

Нагорный Карабах через год после войны: мир, перемирие или ожидание нового столкновения?

Сергей Маркедонов

10 ноября 2020 года президенты России и Азербайджана Владимир Путин и Ильхам Алиев, а также премьер-министр Армении Никол Пашинян выступили с [совместным заявлением](#), в котором объявили «о полном прекращении огня и всех военных действий в зоне нагорно-карабахского конфликта». Подписанию этого документа предшествовали сорок четыре дня вооруженного противостояния и несколько сорванных попыток его дипломатического урегулирования. Таким образом, 2020 год в истории Кавказа будет навсегда зарифмован со словом Карабах.

Очередное военное столкновение в Нагорном Карабахе радикально изменило баланс сил между Арменией и Азербайджаном. Но стали ли Ереван и Баку за это время ближе к миру и урегулированию застарелого этнополитического конфликта? Появились ли надежды на то, что в обозримой перспективе Кавказ будет ассоциироваться не только с войнами, конфликтами и беженцами, а с перспективными социально-экономическими проектами, открытостью, свободным передвижением людей различных национальностей? Ответы на эти вопросы следовало бы начать с рассмотрения изменений, которые произошли на Кавказе по итогам второй карабахской войны.

Геополитические реконфигурации

В ноябре 2020 года по итогам военных действий в Нагорном Карабахе был сломан военно-политический статус-кво, существовавший на протяжении двадцати шести лет¹.

¹ Подробнее см.: Буря на Кавказе. Под ред. Р.Н.Пухова. М., Центр анализа стратегий и технологий. 2021. 128 с.

Азербайджан добился реванша. До начала второй карабахской войны в сентябре 2020 года Баку не контролировал порядка 13% своей территории². По окончании прошлогодней военной кампании под азербайджанский контроль перешли семь районов, примыкающих к бывшей Нагорно-Карабахской автономной области (в Армении их именовали «поясом безопасности»). Национальная армия Азербайджана также овладела некоторыми частями самопровозглашенной Нагорно-Карабахской республики (второй по численности город Шуша, а также Гадрутский, части Мардакертского и Мартунинского районов). Более того, после этого военные Азербайджана стали регулярно проникать на территорию собственно Армении (южные области Сюник и Гехаркуник), а затем и вовсе установили свой КПП на трассе Горис-Капан, апеллируя к картам советского периода, когда анклав Азербайджанской ССР имелся на территории Армянской ССР, как, впрочем, и наоборот.

Решив военные задачи, Азербайджан начал социально-экономическое восстановление возвращенных территорий, которые он именует деоккупированными. 6 сентября 2021 года первые пробные рейсы из Баку принял построенный международный аэропорт в Физули, а 26 октября состоялось его открытие с участием президентов Ильхама Алиева и Реджепа Тайипа Эрдогана. Этот объект был возведен в рекордно короткие сроки, менее, чем за год. Еще два аэропорта планируется построить в Зангеланском и Лачинском районах. Символично, что в Шуше, то есть именно на карабахской территории 15 июня 2021 года президенты Азербайджана и Турции Ильхам Алиев и Реджеп Тайип Эрдоган [подписали](#) двустороннюю декларацию о союзнических отношениях, выводящих стратегическое сотрудничество двух стран на новый уровень. Азербайджанские власти всячески подчеркивают, что не допустят в перспективе никакого пересмотра статуса деоккупированных районов.

Однако успех Азербайджана неполный. Баку не смог окончательно сокрушить НКР. В территориально урезанном виде инфраструктура непризнанной республики по-прежнему существует. Там нет азербайджанских военных, полицейских, управленческих структур, в казну не поступают налоги, учебные программы проводятся по учебникам и образовательным стандартам Армении. Там же действует армянская платежная система и даже военные формирования. Согласно официальным заявлениям Азербайджана (например, [сообщение для прессы](#) Министерства обороны от 11 августа 2021 года), полной демилитаризации НКР не произошло.

С ноября 2020 года Баку попал в двойкую зависимость. Во-первых, на территории Азербайджана разместились российские миротворцы. Ранее их присутствия там не было (как и других контингентов по поддержанию мира). Если бы миротворческая операция не была развернута, а военное противостояние продлилось бы еще хотя бы несколько дней, азербайджанские войска, не исключено, овладели бы столицей непризнанной НКР

² Абасов А.С., Хачатрян А.Т. Карабахский конфликт. Варианты решения: идеи и реальность. М. Международные отношения. 2004. 61 с.

Степанакертом/Ханкенди и смогли бы закончить кампанию полной ликвидацией самопровозглашенного образования. В течение последующего года российские военные (а также сотрудники Министерства по чрезвычайным ситуациям) смогли провести разминирование территорий, помочь в восстановлении объектов местной инфраструктуры. Представители РФ с первого дня миротворческой миссии активно участвуют в возвращении населения Нагорного Карабаха к мирной жизни. Не пытаюсь при этом форсировать вопрос о его особом статусе. Таким образом, армянское население по-прежнему доминирует в численном составе жителей редуцированной непризнанной НКР, связи с Ереваном сохраняются, де-факто органы власти (президент, правительство, парламент) функционируют, а миротворческий контингент гарантирует невозобновление военных действий.

Во-вторых, война 2020 года усилила зависимость Азербайджана от Турции, которая с помощью поставок современного вооружения, военных советников и содействия в планировании операций помогла сокрушить армянские силы. Сейчас Анкара пытается включить Баку в игру по признанию Турецкой республики Северного Кипра и в кооперацию с Пакистаном на Среднем Востоке в целом и на афганском направлении в частности. Но светский Азербайджан опасается втягивания в альянсы с исламистским идеологическим уклоном. Более того, укрепление союзничества с суннитскими державами опасно межконфессиональным противостоянием внутри Азербайджана, где шииты составляют большинство, несмотря на набирающие обороты процессы суннитизации.

Армения в сложившихся условиях фактически отказалась от своих максималистских устремлений. Борьба за возвращение «пояса безопасности» самостоятельно Ереван не в состоянии, а внешнюю поддержку для этого он не сможет получить ни от России, стратегического союзника, ни от Запада. В то же время Армения нацелена на решение двух принципиальных задач: 1) сохранение в переговорной повестке вопроса о статусе Нагорного Карабаха и 2) полноценную демаркацию госграницы с Азербайджаном. За это же, по сути, выступают и сопредседатели Минской группы ОБСЕ (Россия, США и Франция), хотя наиболее вопрос о статусе артикулирует Париж. Для Москвы гораздо важнее решить проблему делимитации и демаркации границы и восстановления транспортных коммуникаций между двумя республиками.

Таким образом, окончание военных действий в ноябре 2020 года не завершило армяно-азербайджанский конфликт. Оно его трансформировало. Место Карабаха, как его центрального элемента занял «пограничный вопрос». За весь тридцатилетний период после распада СССР границы между двумя республиками не демаркировались и не делимитировались. Во времена Советского Союза существовали анклавов, которые в ходе военных действий 1990-х годов «зачищались» конфликтующими сторонами. После того, как Кельбаджарский район в ноябре-декабре 2020 года перешел под контроль Баку, азербайджанские военные и пограничники вышли на новые рубежи (это юг Армении).

Ереван же, напротив, потерял «пояс безопасности», отделявший его и Карабах от собственно Азербайджана.

В повестку дня встал вопрос, как организовать межгосударственное размежевание. Эту ситуацию Азербайджан пытается использовать, как рычаг давления на проигравшую Армению. Цель тройкая. С одной стороны, Баку заинтересован в отказе Еревана от дипломатической борьбы за статус Карабаха. С другой – в скорейшем разблокировании транспортных коммуникаций, расширении торгово-экономических связей с Турцией, Россией и Ираном. С третьей – получить хотя бы символическое приращение территории за счет «ядровой Армении», это вопрос престижа для Баку, переживавшего на протяжении тридцати лет национальное унижение. Поэтому наряду с южным направлением инциденты имели место также на границе Армении с азербайджанским эксклавом Нахичевань и на севере (Тавуш).

Фактически главную роль медиатора в урегулировании пограничных споров играет Москва. Но она ограничена в своих действиях. Однозначная поддержка Армении может привести к постановке в Баку вопроса о правомерности пребывания российских миротворцев в Карабахе. Переход на сторону Азербайджана также невозможен, учитывая членство Армении в ОДКБ и союзнические обязательства Москвы. В настоящий момент обе конфликтующие стороны не ставят под сомнение российское посредничество в разрешении «пограничного спора». Если говорить о возможных последствиях, то, в обозримой перспективе нестабильность на армяно-азербайджанской границе сохранится. Баку чувствует уверенность в своих силах. И будет сочетать элементы военного давления с призывами к миру и переговорам. При этом руководство Азербайджана не заинтересовано в открытом разрыве с Россией, поэтому будет стараться держать свой прессинг под контролем, не позволяя военным втягиваться в масштабные эскалации.

Внутриполитические аспекты: Азербайджан

Для двух обществ, азербайджанского и армянского, конфликт в Карабахе долгие годы был первостепенной, стержневой проблемой. Знаковые отставки и назначения происходили под влиянием конфликтной динамики. Сохранился ли этот «карабахский детерминизм» после завершения противостояния в ноябре 2020 года?

Позиции действующей власти в Азербайджане выглядят прочными. Она не сталкивается с серьезной внутриполитической конкуренцией и устойчива к рискам. Война укрепила позиции президента Ильхама Алиева. В западных медиа и экспертных кругах распространено [мнение](#) о том, что азербайджанская оппозиция, критикующая власть за авторитарные поползновения, настроена более конструктивно в карабахском вопросе. Здесь можно говорить, если не о полном национальном консенсусе, то о единстве взглядов по поводу принадлежности Карабаха. Даже яркие политические эмигранты (например,

супруги Юнусовы в Нидерландах), в целом жестко критикующие официальный Баку, [поддерживают](#) азербайджанскую территориальную целостность.

Во многом решение Алиева начать военные действия в сентябре 2020 года было продиктовано массовыми общественными акциями в июле того же года. Они были спровоцированы военными инцидентами на армяно-азербайджанской границе и беспрецедентными потерями высшего командного состава республики (погибли генерал-майор и полковник вооруженных сил Азербайджана). Участники протестных акций требовали объявления мобилизации, сворачивания антиковидных ограничений ради пополнения армии и организации достойного ответа Армении. Это «пробуждение улицы» [показало](#) Алиеву, что авторитаризм возможен во всем кроме уступок Еревану.

Сегодня президент Азербайджана в целом воспринимается, как политик, решившийся на возвращение отторгнутых земель и добившийся успеха в этом начинании. В то же время в блогах и социальных сетях говорится о том, что Алиев не добился полной победы, не взял Ханкенди (армянское название – Степанакерт). И если оппозиционная реакция и будет выстраиваться вокруг какой-то идеи, то этой идеей [станет](#) «незавершенная победа». Как следствие, Алиев говорит о том, что конфликт завершен, осталось только экономическое восстановление и заключение мира с Арменией. Вопрос о статусе Карабаха им решительно отвергается. По его мнению, тема закрыта. Он не раз он [говорил](#), что Карабах может войти в состав Азербайджана просто, как обычный регион.

Прочные позиции Ильхама Алиева невозможно объяснить исключительно его авторитарной политикой. Укреплению азербайджанской власти значительно «помогла» слабость и разрозненность оппозиции, ее неспособность выставить по-настоящему сильных кандидатов, отсутствие серьезных альтернативных программ развития страны. Традиционно на руку властям играет и негативная память населения о кратковременном периоде правления «Народного фронта Азербайджана» (НФА) во главе с Абульфазом Эльчибеем в начале 1990-х годов, с которым ассоциируются сегодняшние критики власти. Этот период в массовом сознании связан с хаосом, деградацией управления, эскалацией военного конфликта в Нагорном Карабахе.

Внутриполитические аспекты: Армения

Главным политическим событием 2021 года для Армении стали досрочные выборы в Национальное собрание. Чрезвычайная кампания была порождена внутриполитическим кризисом, разразившимся после поражения во второй карабахской войне. Однако в итоге она принесла победу Николу Пашиняну, согласившемуся пойти на беспрецедентные уступки Баку, включая согласие на передачу Шуши.

«Сдача» Карабаха вызвала акции протеста. Они имели два пика: декабрь-2020 и февраль-2021. Но подлинно массовыми эти выступления не стали. Более того, после новогодних праздников сам Пашинян перешел в контратаку, инициировал митинги собственной поддержки, активизировал поездки в регионы и контакты со СМИ. Сложилась парадоксальная ситуация. За отставку премьера и правительства после ноября 2020 года высказались президент Армен Саркисян, Католикос всех армян Гарегин II, представители Национальной академии наук, видные оппозиционные политики, бывшие руководители страны. В южных марзах (областях) Сюник и Гехаркуник недовольство политикой Пашиняна высказывали и руководители муниципального уровня. Однако это не пошатнуло его позиций. Партия Пашиняна «Гражданский договор» не просто [получила](#) 53,91%, но и смогла самостоятельно сформировать однородное правительство. Сам же политик был без особых проблем переизбран премьер-министром. Попытки оппозиции оспорить итоги голосования в Конституционном суде также не увенчались успехом.

Причины электорального успеха партии «Гражданский договор» многоплановы. Отчасти, это пресловутый «административный ресурс». Формально уйдя в отставку, Пашинян сохранил контроль над правительством и парламентом. Но только этим все не ограничивается. Армянское общество устало от войны и карабахского конфликта. И потому Пашинян выиграл кампанию даже на юге страны, где на глазах армянских избирателей разворачивается новый конфликт с Баку по поводу пограничного размежевания. Именно на этом направлении руководство Азербайджана планирует строить железную и автомобильную дороги между основной территорией страны и нахичеванским эксклавом. В области Сюник за «Гражданский договор» проголосовало 53,51% избирателей (27,50% за «Армению» и 2,76% за «Честь имею»). В области Гехаркуник эти показатели еще выше (65,93% за «Гражданский договор», 14,42% за «Армению» и 4,25% за «Честь имею»).

Активные поездки по стране, популистская риторика, эксплуатация опасности новых военных эскалаций возымели результат. Очень высокий уровень электоральной поддержки «Гражданский договор» [получил](#) в области Ширак (около 65,22%), хотя именно ее уроженцы – солдаты армянской армии – в декабре 2020 года были взяты в плен азербайджанскими военными. Пашинян выстроил кампанию так, чтобы она выглядела, как столкновение его сторонников с «бывшими». Кочаряна и других он представил, как рвущихся во власть реваншистов. При этом ставка была сделана на жителей села и малых городов. Именно эти люди в массе своей получили избавление от постсоветских руководителей, ставших реальными хозяевами армянских регионов после 1991 года. Пашинян чаще других совершал региональные турне, эксплуатировал образ «простого парня» (сам он родился в Иджеване), всячески подчеркивал свое нестоличное происхождение.

Свою роль сыграло и позитивное отношение ключевых внешних игроков к пролонгации пребывания Пашиняна у власти. Для РФ именно он гарант реализации договоренностей от

10 ноября 2020 года и 11 января 2021 года по достижению мира в Карабахе. Для Турции и Азербайджана он более предсказуем, чем Кочарян, которого в Баку называют «военным преступником» и «националистом». Для США и Франции он уже привычный партнер.

«Ложкой дегтя» для армянских властей стали местные выборы 17 октября 2021 года. Партия Пашиняна проиграла выборы в трех из шести общин: в Гюмри, Горисе и Мегри. И если Гюмри имеет неформальный статус «северной столицы» Армении, то Горис и Мегри после завершения второй карабахской войны оказались в фокусе внимания в связи с актуализировавшимися демаркацией и делимитацией армяно-азербайджанской границы. Впрочем, во всех трех муниципалитетах властная партия сохраняет значительное представительство в местных Советах старейшин (законодательных органах власти), а оппозиция на местах, как правило, несколько оторвана от общенациональной оппозиции.

Россия – главный медиатор

После возобновления боевых действий в Нагорном Карабахе в конце сентября 2020 года одним из главных вопросов было то, как на происходящее отреагирует Россия. Чем дальше, тем больше удивления вызывало сдержанное отношение Москвы к полыхающему конфликту – особенно на контрасте с ее поведением во время украинского кризиса или войны с Грузией. На пятый день боев известный британский кавказовед, главный редактор журнала *The Caucasus Survey* Лоренс Броерс [написал](#) в своем твиттере: «Где же Россия?». Еще через несколько дней Нику Попеску, тогда директор программы «Большая Европа» Европейского совета по международным отношениям, тоже [недоумевал](#), почему Россия, потратившая столько сил на выстраивание образа великой державы и надежного союзника, не спешит поддерживать Армению. И действительно, на протяжении нескольких недель переговоры Москвы с Ереваном и Баку выглядели не слишком эффективными. Однако наступило 10 ноября 2020 года, и именно Россия оказалась главным локомотивом совместного заявления о прекращении огня, после которого стрелять действительно перестали, а российские миротворцы выдвинулись на новую линию соприкосновения сторон.

Для Москвы прошлогодняя война ознаменовалась значительным усложнением ее кавказской региональной повестки. До 2020 года она была ключевым модератором в урегулировании конфликта между Арменией и Азербайджаном. Этому не мешали ни США с ЕС, ни Турция с Ираном. Для Запада российская политика на карабахском направлении не была связана с «ревизионизмом» (апробированным в Абхазии, Южной Осетии и Крыму). Однако в ноябре 2020 года положение дел изменилось. *Во-первых*, свои позиции укрепила Турция. Она показала себя самостоятельным игроком, не склонным сверять ни с кем свои действия. Будучи членом НАТО, на Кавказе Турция вела себя как самодостаточный игрок, реализующий свои национальные интересы, а не некие интеграционные цели и задачи. *Во-вторых*, Азербайджан сломал прежний статус-кво сам, без одобрения России. *В-третьих*,

Армения, стратегический союзник Москвы, была разгромлена и принуждена к принятию унизительных уступок.

Однако именно Москва не позволила Баку полностью уничтожить инфраструктуру непризнанной НКР, разместив своих миротворцев в зоне конфликта. И при этом не пустила Турцию к участию в совместной операции. Конфликт 2020 года не привел и к дополнительным всплескам конфронтации с Западом. Более того, два сопредседателя Минской группы ОБСЕ (США и Франция) по факту согласились и с российской миссией в Карабахе, и с особой ролью Москвы в послевоенном мирном урегулировании. В противном случае легитимность самой Минской группы оказалась бы под вопросом.

Таким образом, Москва утратила монополию на геополитическое лидерство на Кавказе. Теперь она в большей степени должна учитывать интересы и мнение Турции. В то же время ситуация вокруг Карабаха стала связанной с Сирией, где Москва и Анкара также вынуждены взаимодействовать, не имея при этом полностью идентичных позиций. И у России появляется возможность использовать свои сирийские ресурсы для давления на позиции Анкары на Кавказе. Впрочем, есть вероятность такого алгоритма действий и со стороны Турции. Тем не менее, Армения и Азербайджан готовы к эксклюзивной роли Москвы в урегулировании противостояния. По факту трехсторонний формат (Путин-Алиев-Пашинян) оставил в тени Минскую группу ОБСЕ.

Сейчас только два документа (совместные заявления лидеров РФ, Азербайджана и Армении от 10 ноября 2020 года и 11 января 2021 года) определяют контуры послевоенного статус-кво. И в обоих случаях Москва эксклюзивно вовлечена в процесс их имплементации. Ни Запад, ни Турция не имеют такой возможности. Позиция России в Карабахе и вокруг него сильно отличается от абхазского и югоосетинского кейсов. Получилось так, что Москва не выбирает между Ереваном и Баку, и ее до сих пор не ставят в позицию жесткого выбора. Как следствие – балансирование, лавирование и вмешательство, но не в формате военных операций, а активного дипломатического участия.

Сегодня Москва ставит на разблокирование транспортных коммуникаций как на способ неполитического (прагматического) втягивания Баку и Еревана в мирный процесс. Вопросы статуса Карабаха Россией не педалируются, но в то же время Кремль показывает, что не заинтересован в его силовом и форсированном решении. Согласно [заявлениям](#) высших должностных лиц РФ (Владимир Путин, Сергей Лавров), проблема статуса может быть решена в будущем на взаимовыгодной и компромиссной основе.

Выводы

Таким образом, главнейшим итогом военных действий прошлого года можно считать то, что Кавказ стал менее стабильным и предсказуемым регионом. Усилилась его связка с

турбулентным Ближним Востоком с учетом более активного вовлечения в региональную повестку Турции и возможного влияния сирийской динамики на карабахскую (и наоборот). В обозримой перспективе ситуация будет оставаться стабильно нестабильной. Азербайджан всеми силами и в рекордные сроки будет реинтегрировать ранее потерянные территории. Это будет тем легче сделать, что на них нет иноэтничного населения. Будучи для армянской стороны «поясом безопасности», они пребывали в запустении, их развитие Еревану не было интересно. Значит, в будущем Баку сможет демонстрировать миру новые аэропорты, автовокзалы, инвестиционные проекты. Исключением в этом контексте являются Шуша и районы, входившие в состав непризнанной НКР. Но армянское население их покинуло, и потому в их интеграции для Баку также особых проблем не возникнет.

Баку, при поддержке Анкары, продолжит оказывать давление на Армению, сочетая различные военные демонстрации с призывами к миру. На «мирном треке» у Анкары будет преимущество, так как ей нет необходимости разрешать проблемы статуса Карабаха или демаркировать участки совместной границы. Россия будет стремиться удержать баланс, пытаясь сохранить свое влияние и на Ереван, и на Баку. Однако при приближении к ноябрю 2025 года (истекает срок миротворческой миссии России на карабахской земле), коллизии в отношениях РФ с Азербайджаном и опосредовано с Турцией могут усилиться. Если Москва выступает за сложный всеобъемлющий компромисс, то Баку и Анкара хотят скорее закрыть карабахский кейс и полностью интегрировать то, что осталось от прежней НКР, в состав азербайджанского государства. Уже сейчас отдельные депутаты, правозащитники и блоггеры говорят о необходимости быстро завершить миротворческую операцию. Но очевидно, что Москва избегает скороспелых решений. Есть основания полагать, что, учитывая негативный опыт Тбилиси в начале 2000-х годов, азербайджанские власти не будут делать из российского присутствия в Карабахе главный проблемный узел в двусторонних отношениях.

Сергей Маркедонов

Ведущий научный сотрудник, Институт международных исследований МГИМО МИД России; главный редактор, журнал «Международная аналитика»; член Экспертного Совета «Минского диалога»